

«О чём молчит гармонь?..»

Худ. Анна Каленик

От автора: родилась в городе Березино Минской области. Школьные каникулы проводила в деревне, где всегда ждали верные друзья: дедушкины медали; живущий за оконным наличником ветерок; берегиня-печь и сказочный паровозик, состоящий из деревянных катушек, на которые бабушка цепляла цветастую, как летняя поляна, ширму. Весёлой компанией мы занимали места в уютных купе, и локомотив уносил нас в мир фантазий и приключений. Каждый вагон (катушечка) имел свою историю, свой затайливый изгиб на подстаканнике, свой, ещё непознанный нами привкус вагонного чая. Шли годы. Всё туже и туже затягивался корсет урбанизации, постепенно вытесняя из памяти хронику тех событий, но как хотелось прокатить мечтательниц-дочурок в нашем волшебном поезде! Как одинокий парус, белеющий в море одичавших трав, настырно

сопротивляясь бегу дождей и облаков, будто всё ещё что-то оберегая, нас встретила... печь. Не чувствуя ног, я бежала в её объятия, упрекая себя в предательстве! Сюрприз всё же ожидал. Из недр печной таинственности улыбнулись глазки друга-ветерка. «На, вот, сказки наши напишешь», – пронёсся тихий шепоток, и невидимые ручки протянули состав заждавшихся катушек. Историю одной из них я рада сегодня представить.

Паганини

Одно коротенькое соло из жизни простой белорусской деревушки, название которой уже отзвучало.

Перевод с белорусского языка автора

1.

Непоседа-ветерок ненароком тронул портрет на стене... Из глубины рамки, будто из другого измерения, улыбнулся девушке совсем ещё юный отец с гармонью. Образ словно ожил под стеклом: пальцы взлетели над грифом, ребристый мех растянулся и залился голосистым перебором. В такт ему захлопали деревянные катушки. Они скользили по натянутой под потолком струне и одновременно держали ширму-занавеску, прикрывавшую кровать от чужих глаз. Занавеска встрепенулась... Лёгкие волны затанцевали по пёстрому полю сатина, раскачивая струну. Та напевно загудела... Едва уловимая мелодия начала заполнять комнатную тишину, и Аля невольно попала в её таинство.

2.

Местный Паганини так здорово играл на гармошке, что невозможно было удержать ни рук, ни ног – они пускались в пляс сами. Его безымянный палец не гнулся, был искалечен, оттого виртуозный перебор выскальзывал только из-под четырёх перстов. Невиданная дерзость! Но она вознаграждала музыканта большим пиететом слушателей. Казалось, безжизненный палец никак не участвует в конструировании аккордов. В действительности же, паря над другими, он словно призывал их в полёт, и те, вдохновенно резвясь над чёрно-белыми кнопками гармони, окрыляли не только самого Паганини, но и слушателей. Небесно-голубые глаза гармониста и не в срок побелевшая чёлка соперничали с глубокой загорелостью лица. Это прибавляло мужчине в расцвете сил лет двадцать,

а то и все сто веков, что отождествляло его с каким-то забытым божком. Казалось, его спустили сюда с небес то ли для исправления собственных грешков, то ли для украшения людского бытия.

Почему гармониста прозвали именем известного скрипача – для Али оставалось загадкой. А поскольку её отец был настоящим виртуозом от природы, у девочки сложилось своё представление. «Вероятно, – думала она, – прозвище невольно «прилипло» к нему только потому, что земляки часто сравнивали своего маэстро с дарованием другого народа. Да и похожи они на удивление: одинаково харизматичны, смуглы. А этот высокий лоб! А нос горбинкой!». Однако, как позже выяснилось, гармониста и скрипача объединяли не только талант и имя, но и ещё одно довольно впечатляющее совпадение.

3.

Ещё совсем мальчишкой Николка прекрасно владел фисгармонией и скрипкой. Во время войны, когда ему было примерно лет десять, в их краях расположился один из немецких гарнизонов. Фрицы по-хозяйски выходили в поля и косили рожь здешних крестьян. Однажды из леса послышались выстрелы. Кто-то не выдержал, расстрелял косцов.

Ощерились немцы! Вздрыбили автоматы, стали сгонять сельчан – стариков, детей, женщин. Ужас! Паника! Переполох! Воздух раздирают рокот моторов, собачий лай, проклятия! И вдруг... сквозь гвалт и ненависть, как тихий ручей в шальном водовороте, полилось негромкое соло скрипочки.

Люди замолчали. Расступились. На взрытой злобой земле стоял подросток и выводил смычком... чувства. Никто не смел пошевелиться, даже когда музыка стихла. Казалось, теперь она обнимает всех – и врагов, и своих.

Вскоре с немецкой стороны вышли трое. «Ты – талантливый малчуг, – сказал один из них на ломаном русском языке, – однако... на четырёх струна может играть все!»

Гитлеровец повернулся к людям. В эту минуту у тех, кто ждал приговора, остановилось время и движение крови. Лицо немецкого офицера категорически застыло. Казалось, вот-вот лопнут натянутые желваки, но... ойкнула скрипка – белые перчатки оборвали три её струны. Немец демонстративно поднял искалеченный инструмент и объявил, что отменит казнь, если мальчику удастся умиловить его!

И струна запела... Словно растроганные боги коснулись её. Они заглянули в мир людей между своими делами и поразились: здесь, уже не над маленькой прекрасной планетой, а над полем боя, словно птица, забыв о силках и опасности, витал маленький скрипач...

Капельки крови падали на песок. Это порванные струны, овившись вокруг, разрывали плоть безымянного пальца «Паганини» – так немного позже окрестит мальчика немецкий офицер. А теперь то ли увлечённый игрой на скрипке, то ли от страха, Коля не чувствовал под собой ни ног, ни земли, ни даже боли. Было только видно, как мальчик крепко сжал зубы, как дрожат его колени, как он старается не выпустить окровавленный смычок... Не по годам возмужавший, впрочем, как и все мальчишки войны, он знал одно: за ним – десятки жизней.

4.

Закончилась война. Тяжело пришлось всем. Благодарным за жизнь соседям хотелось хоть как-то отблагодарить спасителя-Николая, но что они могли? Картошину, лепёшку из липовой коры, если была, – сами голодали.

На семейном совете решили: чтобы выжить, необходимо продать фисгармонию и скрипку, каким бы болезненным ни оказалось расставание.

...Старый конь не сразу тронулся с места. Его понукали, хлестали по крупе кнутом, трясли удилами, но даже утренние сумерки не скрыли пристальный взгляд умного животного. Как только мальчуган отпустил его сердцем, конь лениво потянулся в заокольную мглу.

Когда родители вернулись с ярмарки, около повозки стояла дубовая кадушка, отливающая золотом злаковых зёрен, и тёпленькая бурая коровка. Суетилась мама, измученная долгой дорогой. На её плечах красовался цветастый платок, а руки бережно сжимали новенький костюм для сына. Хорошо

стало у Коли на сердце, спокойно. «Ох, и заживём!» – подумал он, но что-то было не так... Как-то непривычно без дорогих душе предметов, пусто. И мальчик бросился к телеге...

Из дырявого мешка улынулась белозубая гармонь! Новые друзья так обрадовались знакомству, что в ту же минуту как обнялись, так до последних своих дней не разлучались! В горе, и в радости – всегда неразрывны: местный Паганини и его двухрядка.

5.

Тот головокружительный день из семидесятых Аля запомнила на всю свою жизнь. Оконные наличники украшали кристальные бусы паутинок. В них отражалось разноцветье августовских красок и роскошь мирного неба. Кое-где над огородами уже поднимался лёгкий дымок от костров, навевая приятную истому. Вяло стрекотали кузнечики в траве. Замирание нарушил торопливый лязг калитки: почтальонка Надежда несла небольшую бумагу.

Руки Паганини зримо затряслись от волнения... Огонёчки, ещё полминуты назад ожившие в глазах, начали гаснуть в недоумении – что-то сообщал документ, но – что?! Собрались люди. Вести быстро разносятся по деревне. Каждый, кто умел и не умел читать, пробежался глазами по строчкам письма... Бумага была написана по-немецки.

– Не отчаивайся, Никола, – вмешалась тут Надежда, – бери паспорт – да на почту, там всё объяснят!

6.

Говорят, хуже нет, как ждать и догонять, однако не расходились односельчане, ожидали. Время тянулось, как никогда: на почту – будто на край света... Вскоре каждого охватило волнение – вдали на деревенской улице закружилась загадочной эйфорией дорожная пыль...

Огромные очи, полные боли и торжества, воздаяния и всепрощения, молчали и говорили с каждым. Лицо Паганини побледнело. Он что-то сжимал в кулаке до нестерпимости, до онемения... И не сразу раскрыл его – не слушался дух. Только теперь, когда фашистский след засыпало время, всегда бесстрашный и дерзновенный, Николай почему-то оробел перед земляками.

...Пальцы выпрямились. На ладони играли мягким переливом три скрученные струны – посылка из Германии.

– Вот, она, победа... – только и выдохнул он.